

О ШЕЛЕСТЯЩИХ ТАРАКАНАХ И ЮБИЛЕЕ МХТ ПЕРВОГО

Стиль это лицо не только человека, но и социальной среды. Торжественное заседание Академии Художественных Наук и Общества Любителей Российской Слоvesности в день юбилея МХТ 1-го было исключительно красочно и стильно. Мы не говорим о приветственных речах П. С. Когана и П. Н. Сакуляна—они говорят сами за себя. Мы имеем в виду доклады, которые не приветствовали, а по существу вскрывали такие вопросы, как: творческий путь Московского Художественного Театра, прамы его выразительности, и, наконец, характер и пожелания, наиболее убедительным был доклад Н. Л. Бродского. Но все три доклада и в особенности доклад В. Г. Сахновского напомнили нам доброе старое время, когда не было еще речи о жутких классовых битвах, и один хорошие идеалистически настроенные люди, воевавшие любовью к правде и истине, парили над сумеречной землей в светлых парафрах искусства.

«В Москве даже ночью всегда раздаются звуки, слышащие надхля какой-то души», — сказал Н. Л. Бродский. Мы бы сказали проще — грохот мостовой, крик пьяного, свисток милиционера, гул трамвая. Но эти прозаические слова, конечно, не в состоянии настроить на юбилейный лад.

Мы записали эту фразу из речи самого четкого и документального оратора. Трудно уловима по обилию экзотических слов и бурнопламенных выражений была речь В. Г. Сахновского, и мы никак не можем понять, в кого метил оратор, когда говорил: «Есть люди, у которых мешает шестое бегущего таракана, но нормальный человек спокойно слушает...» Что касается нас, мы слушали спокойно не только «шестое тараканов»... но даже грохочущие громом и блестящие молнией метафоры цитируемого доклада. Может быть это тоже ненормально, с другой стороны. Во всяком случае, нам удалось уловить ряд интересных и метких мыслей.

Н. Д. Волков обронил: «Театр имеет одну особенность—он не может творить бурю». Вот почему после революции 1905 года Художественный театр не нашел себя и ушел на год заграничку. Публика отвернулась от серьезного театра, а театр не успел еще сказать серьезного слова».

Бесспорен факт, что каждый раз на переломе общественной жизни в 1905, затем 1916 (война и наши поражения) и, наконец, в 1919 — театр терял своих обычных зрителей и переключался за границу. Спичечному, выработанному коллективу трудно было приспособиться к новым запросам. да и зрители в эти переломные моменты было не до театра. В 1905 — 1906 г. общественно-политическая деятельность втянула широчайшие слои населения, поглощая их досуги. Ведь посетителям МХТ, как никак, и был передовой, наиболее развитый общественно и политически слой нашего общества.

Докладчик полагает, что революционная активность театра не «Бронепоездом» началась, а тем, что Художественный театр создал сеть московских театров, в которых ставились революционные пьесы. Верно. Но речь идет не о месте МХТ в истории театра, но о исторической преемственности, а о МХТ-1—самом, как о сплоченном художественном коллективе в целом. Четверть века тому назад В. И. Немирович-Данченко сказал: «Времена темпераментов прошли. В стране пробудилось общественное движение.

Театр не имеет права замыкаться в служебный чистому искусству. Не в этой заботливой фразе дело. Она может спокойно спать в архиве, откуда ее извлек Н. Д. Волков. МХТ всей своей деятельностью ярко на деле показал свою неотрывную связь с общественностью: да это же был в России, а может быть и вообще в Европе, первый подлинно-классовый театр, с четкой социальной фазисом. Его посещал определенный зритель—демократическая интеллигенция, оппозиционно-настроенная «мелкая буржуазия», а не «ординарная серая толпа, составлявшая большинство в жизни», «искавшая отдыха после труда или после безделья ради художественных эмоций» — сам интеллигентный бюрократ по кривоточному выражению одного из бульварных газетчиков, вынужденному Н. Л. Бродским из забытой прессы.

Прав В. Г. Сахновский, когда говорил, что Художественный театр всех своих актеров облек в одну форму, ибо искал за всякой цесой, которую ставил на сцене, свое лицо, и находил его в живых звуках и красках, в родной обстановке своего времени. Театр «прислушивался к живой жизни», «искал внутреннего образа новой России». Вот почему, ставился ли «Царь Федор» Алексея Толстого, «Три сестры» Чехова, «Власть тьмы» Толстого, «Доктор Штокман» Ибсена, или «Синяя Птица» Метерлинка — за всеми этими пьесами сквозило единое лицо или, как выразился Сахновский, все они были замкнуты в объединяющем их кольце.

Но если художник с «обаятельной сдержанностью», с «внутренним тактом», «улавливал бы ритм страны», только в порывах ветра, шестесте ржи и моросившем дождичке, то конечно, он не создал бы Художественного театра. Одного противопоставления афеириных ветров в барской усадьбе прошлого грохочущему автобусу или автомобилю сегодняшней Москвы недостаточно, чтобы дать лицо. В том-то и дело, что шестесте ржи и какарейкой в клетке удалялся образ нашей массовой интеллигенции, тех вершущих «образованных классов», по выражению Добролюбова, которые претендовали на место в истории общественной и политической жизни своей страны. Это наша либеральная, оппозиционная демократия. Вот почему Художественный театр—прав т. Сахновский,—не был никогда при-

дворным», а «был всегда деревом». Он не мог быть иным, иначе потерял бы своего зрителя.

И понятно, великая революция, которая смела с политической и общественной сцен этого зрителя, не могла быть свободно и сразу принята МХТом 1. Никто не приветствует топор, рубящий сук, на котором сидишь. И понятно, почему никто и не думал от театра требовать не жертв—дело не в них,—а чудесного, внезапного перерождения. Знаю, что истинный художник не может жить в отрыве от широких масс, тнущихся к искусству. И широкие массы пойдут к нему, если художник сам только захочет быть им нужным, подойдет к ним. Подойти к новому зрителю—дело трудное, требующее времени и огромной работы над самим собой и над материалом, который дает жизнь и сцена.

Не спроста же такой тонкий, широко-образованный человек, как Брюсов, хватил с плеча обухом по голове в своем отзыве о Художественном театре в момент его возникновения: «искусство это условность, в Художественном театре условностей нет, значит, это не искусство». Теперь это звучит дико, а тогда? Недаром же другой тогдашний критик саркастически замечал, что играть жизнь на сцене—мещанство, а другие острели по поводу театра настроений:

Настраиваюся действительно вой я слати,
Но музыкантами вам не бывать.

К счастью, люди редко краснеют за прошлые ошибки. Грубее ошибиться было трудно. Но уже и в те времена, несмотря на уловляющие невежественных боровакопцев и образованнейших рутинеров или застенчивых рехматиков,—поражающая сила захвата МХТ 1 дала себя знать и нашла свое определение в яркой и сочной фразе: «Если бы даже на спине мне усеял слои из Зоологического сада, я его не почувствовал бы».

Театр МХТ 1 возник в эпоху пробуждения широких либеральных прослоек нашего служилого люда, землед и даже купечества. Мы видим теперь в этом театре нотки разочарования, скепсиса, мировой скорби, уныния и безнадельности, которые сквозят призму времени как будто бы стали ярче, и которых современники или не замечали, или переживали не так, как мы теперь. Им они не мешали, а, наоборот, подталкивали их на протест против насилия и неправды жизни. Не надо забывать, что ныне погружавшиеся в заблуждение социально-разговорные мистики, тогда в бытие своем даже против самой природы, а не только против правительства,—искали прорыва из этого плохого мира в хороший, потусторонний мир, и считали себя легче и шире большинства, которые суживали свою задачу лишь прорывом сквозь штыки самодержавия к захвату власти.

Класс, обреченный историей, мог не замечать своей обреченности. Наоборот, в ее признаках он находил упор для своих устремлений. Пусть «Три сестры» звали к протесту и борьбе, но сами они, ныне чуждые тени прошлого, для нас всегда были только рождими, неустроенными и безнадежно обреченными существами. Пусть Сатия и Лука будили протест против социальной несправедливости и неурядицы, но они-то люди да и никогда им отсюда не подлетали. Пусть доктор Штокман вылезал гром аплодисментов когда говорил, что или на собрание, не следует надевать новую пару, но для нас он только немой, ограниченный индивидуалитет, очень похожий на шедриного карася-идеалиста, который думал срывать щуку вопросом: «А знаете ли ты, что такое справедливость?». Щука была действительно поражена. И, разинув рот от изумления, невольно для самой себя проглотила караса.

Писатели и артисты—МХТ

2 ноября в В. зале Консерватории состоялся вечер «Писатели и артисты МХТ». Вечеру предшествовало вступительное слово Н. Д. Волкова, в жесткой форме обрисовавшего общую картину истории Художественного театра и остановившегося на значении театра, положившего начало своеобразному направлению в искусстве театра. Затем начались выступления писателей и артистов.

Большинство из них декламировало и мело трогательно-сентиментальные вещи — «специально для юбиляров».

Осталось в памяти выступление Ивана Приблудного, прочитавшего крепко-написанную «Россию». Несмотря на хороший голос, Козловский казался смешным в исполняемых им сентиментальных номерах. На бис был исполнен «Средь шумного бала» Шумные аплодисменты, как нельзя лучше свидетельствовали о том, что публика была действительно специфическая МХТ-«юбилейная».

В дальнейшей программе выступали: П. Романов, Абрамова, Гельцер, Мессерер, Пашенная, Гоголева, Япачкина, балет ГОТОВ'я и др.

В общем надо признать вечер, посвященный юбилярам—пустым и бессодержательным. Вина в этом, лежит, конечно, на устройствах концерта, не побавившихся о том, чтобы организовать и объединить программу единой, хотя бы, на худой конец, и юбилейной мыслью. Помимо того, никто не счит нужным сказать несколько слов о болезни К. С. Станиславского, а также о причине отсутствия Качалова.

Вечер закончился показом фильмов, смонтированной из отдельных кусочков всех фильм с участием юбиляров.

Р.

Правда, анкеты красноармейцев о «Декабристах», значащие» т. Бродский, говорят о революционизирующем влиянии на них этого спектакля: «Впечатление такое, что с голыми руками бросился бы на буржуазию». Мы и не отрицаем прогрессивного значения этого замечательного театра. Мы говорим только—он перестал быть национальным лицом передовой буржуазной демократии, ибо ее самой у нас теперь нет, и он не стал рупором идей и эмоций, движущих вперед нашу демократичную рабочую, его взоры обращены вспять; и мы не отрицаем, что в нашей обширной стране еще найдутся слои, для которых давно сканное слово, покрытое архивной плесенью, покажется живым и необычайно новым. Разве наши оектанты не живут и сейчас еще в XIV веке? Но мы ждем от замечательнейшего культурного очага соавузия с современностью второй четверти XX века, мы хотим, чтобы он горел не факелом ночным в ночи, а солидцем среди бела дня.

П. С. Коган говорил, что революция требует от художника обслуживать ее, а художник согласен, но при условии, чтобы она была прекрасна. Но в том то и штука, что прекрасное для иного художника—для нас, да и для грядущей истории безобразно. Для нас революция прекрасна, ибо она сметает господство эксплуататоров и нам больно, что она не сделала этого на всем земном шаре и что не все корни отжившего вырвала из нашей почвы. А тот, кто в пороховом дыму и из-за крови жертв не сумел разглядеть ее чудесного лица, для нас, если не враг, то безразличный мещанин, которому, конечно, никогда не быть художником величайшей эпохи.

МРУЗ

ПИСАТЕЛЬ—МХТ

Ты в'ехал в нашу жизнь
Уже по пояс.
Приветствую тебя отныне и во век
Усевшись на «Бронепоезд».
Я опасюсь лишь за пеший «Бер».

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ.
(«Современный Театр»).

А. ЖАРОВУ

О, ЭМ-ХА-ТЕ — ты не избеж удара.
Хотя твой юбилей прошел отлично:
Тебя в стихах решил поздравить
Жаров,
Безграмотно, но . . . «идеологично».
Т. АСТРОВА